

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гёте И. В.* Собрание сочинений: В 10 томах. Драммы в прозе. М.: Худож. лит., 1977. Т. 4. 494 с.
2. *Fehr W.* Der junge Goethe: Drama und Dramaturgie — eine analysierende Gesamtdarstellung. Paderborn: Igel-Verl. Wiss., 1994. 275 s.
3. *Goethe J. W.* Poetische Werke. [Band 1–16]. Band 4. Berlin, Berliner Ausgabe, 1960. 119 s.
4. *Goethe J. W.* Die Werke. In 5 Bänden. Bd. 5. Berlin, Hrsg.v H Fischer-Lamberg, 1963. 772 s.
5. *Hartmann T.* Goethes Musiktheater. Singspiele, Opern, Festspiele, „Faust“. Tübingen, Max Niemeyer Verlag, 2004. 333 s.

REFERENCES

1. Goethe, J. W. Sobranie sochinenij: V 10 t. Dramy v prose. M.: Hudozh.lit., 1977. T. 4. 494 s.
2. *Fehr W.* Der junge Goethe: Drama und Dramaturgie — eine analysierende Gesamtdarstellung. Paderborn: Igel-Verl. Wiss., 1994. 275 s.
3. *Goethe J. W.* Poetische Werke. [Band 1–16]. Band 4. Berlin, Berliner Ausgabe, 1960. 119 s.
4. *Goethe J. W.* Die Werke. In 5 Bänden. Bd. 5. Berlin, Hrsg.v H Fischer-Lamberg, 1963. 772 s.
5. *Hartmann T.* Goethes Musiktheater. Singspiele, Opern, Festspiele, „Faust“. Tübingen, Max Niemeyer Verlag, 2004. 333 s.

В. В. Никульцева

ПОЭТИЧЕСКИЕ НЕОЛОГИЗМЫ К. БАЛЬМОНТА ИЗ АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ (текстологический и лингвистический анализ)

Анализируются поэтические неологизмы, обнаруженные в архивных материалах К. Бальмонта, хранящихся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург). На синхронно-диахронической основе приводится тщательный деривационный анализ данных слов, рассматривается индивидуально-авторское словоупотребление. Анализ немногочисленного корпуса неологизмов показывает, что они являются неотъемлемой частью символистского неолексикона.

Ключевые слова: поэтические неологизмы, словотворчество, поэтический текст, Серебряный век, словообразовательные модели, способы деривации, неолексикон, диахрония, синхрония.

V. Nikultseva

K. Balmont's Poetic Neologisms Found in His Archives

Poetic neologisms found in K. Balmont's archives in the manuscript department of The National Library of Russia (St. Petersburg) and his individual word usage are thoroughly analyzed derivationally on the synchronical-diachronical basis. The analysis of the small part of Balmont's neologisms shows that they were an inalienable part of symbolists' neolexicon.

Keywords: poetic neologisms, word creation, poetic texts, Silver age, word construction models, ways of a derivation, neolexicon, diachronic, synchronic.

Данная статья является результатом текстологического изучения рукописного наследия К. Д. Бальмонта и отражает один из этапов научно-исследовательской работы, получившей финансовую поддержку РГНФ (проект №09-04-95589 м/МЛ «Словотворчество поэтов Серебряного века»). Работа в библиотеках и архивах г. Санкт-Петербурга,

в том числе в ОР РНБ, осуществлялась с 09.11.09 по 22.11.09. Были поставлены следующие задачи исследования: 1) изучить описи, единицы хранения, библиографические указатели, картотеки ОР и Научной библиотеки ИРЛИ, ОР РНБ, Научной библиотеки РГПУ им. А. И. Герцена; 2) рассмотреть неологизмы на текстологической основе; 3) учесть факты синхронии и диахронии языка при отборе материала путем привлечения исторических и новейших толковых, орфографических, энциклопедических и других словарей.*

В результате проведенной текстологической работы картотека составленного в настоящее время «Словаря неологизмов поэтов Серебряного века» пополнилась 255 лексическими единицами, в том числе 17, принадлежащими К. Бальмонту. Интересующие нас стихотворения К. Бальмонта были обнаружены в 11 единицах хранения,** в 7 из которых содержатся неологизмы: Ф. 1448. Ед. хр. 73. Л. 61; Ф. 76. Ед. хр. 149. л. 2-об.; Ф. 736. Ед. хр. 335. Л. 3, 5, 17; Ф. 1312. Ед. хр. 69. Л. 4; Ф. 1000. Оп. 2. Ед. хр. 87. Л. 1; Ф. 408. Ед. хр. 2. Л. 2-4, 6, 8-10; Ф. 736. Ед. хр. 95. Л. 2.

Анализ текста рукописей показывает, что в поэтических произведениях К. Бальмонта, хранящихся в ОР РНБ, встречается весьма небольшое количество новообразований (слова типа *щедротный, пирный, бесшлемный, вспевающий* не были включены в неолоксикон, поскольку зафиксированы в разных лексикографических источниках), 13 из которых представляют собой сложные слова, и лишь 4 являются аффиксальными образованиями (3 — суффиксальные производные, 1 — префиксальное).

В среде сложных имен прилагательных можно выделить три группы слов, различающихся способом деривации: 1) сложно-суффиксальные дериваты; 2) продукты ос-новосложения; 3) сращения.

К первой группе сложных новообразований относятся прилагательные *косодушный* и *бледноумный*, выступающие в одном кон-

тексте в роли характеризующих эпитетов (в стихотворении «Человечки» речь идет о людской заурядности и пошлости). Оба слова образованы путем сложения прилагательного (*косой, бледный*) с существительным (*душа, ум*) на основе подчинительных отношений с одновременной суффиксацией производящих основ (формантом является интерфикс *-о-* и суффикс *-н-*). Необходимо отметить, что в качестве строительного материала для неологизмов привлекаются субстантивно-адъективные словосочетания (*косая душа, бледный ум*), в которых прилагательное выступает не в прямом, а в метафорическом значении (ср. с выражениями *косой взгляд, кривить душой, пустой взгляд, пустые мысли, пустые слова, бледно выглядеть и мн. др.*), что делает неологизмы ёмким средством выражения авторской иронии.

Во второй группе находятся прилагательные *кристально-безмолвный, строго-нежный, дымно-голубой, воздушно-ясный, небесно-стройный*, образованные способом сложения основ. Строительным материалом послужили только адъективные основы, связанные сочинительными отношениями.

В состав этих сложных новообразований входят разноплановые элементы: с семантикой 'свет/тьень': *кристально-безмолвные воды ключей, воздушно-ясный мир мечты, дымно-голубое небо*; с семантикой 'цвет': *дымно-голубое небо*; с семантикой 'объем, очертания': *небесно-стройный стих*; с семантикой 'звук': *кристально-безмолвные воды ключей*; с семантикой 'пространство': *воздушно-ясный мир мечты, небесно-стройный стих*; с семантикой 'оценка качества': *строго-нежная минута*.

В сложных новообразованиях этого типа наблюдается синкретизм значений: *дымно-голубое небо* (светоцветовая семантика), *кристально-безмолвные воды ключей* (светозвуковая семантика) и пр.

Необходимо отметить, что двухкомпонентные прилагательные *воздушно-ясный* и *небесно-стройный* могут иметь двоякую

мотивацию: с одной стороны, они, как было уже отмечено, мотивированы прилагательными, образующими сочинительные сочетания *воздушный* и *ясный*, *небесный* и *стройный*; с другой стороны, они могут представлять собой сращения на основе адвербиального и адъективного слов: *воздушно ясный*, *небесно стройный*. В том случае, если считать основным второй вариант мотивации, производящий наречный компонент становится эквивалентным компаративу, ср.: *ясный*, как лесной воздух (*Не так же ль я безгласен, / Как этот мир ветвей, вершин, стволов? / Не так же ль мир мечты воздушно-ясен, / Моей мечты и тиховейных слов?*); *стройный*, как небеса Венеры (*Всей мглой своей души впивая свет без меры, / Я властен создавать небесно-стройный стих, / Предавшись красоте блистательной Венеры, / Горящей на черте двух светов мировых.*)

В третью группу включены новообразования *преступно-влюбленный*, *еле-видный*, *глубоко-мучительный*, *горько-любимый*, *вечно-спокойный*, *всегда-холодный*, возникшие по воле автора путем сращения наречного компонента с признаковым словом. Поскольку опорный компонент может быть представлен либо прилагательным, либо причастием, то внутри данной группы выделяются две подгруппы. Слова первой подгруппы включают в свой состав компоненты, весьма разнообразные по семантике: а) отглагольные прилагательные: с семантикой 'объем, очертания': *еле-видный человек*; с семантикой 'оценка действия, состояния': *глубоко-мучительная печаль*; *горько-любимая женщина*; б) отымённые прилагательные: с семантикой 'время, бесконечность': *всегда-холодная пустыня звёзд*; *вечно-спокойные женщины*; с семантикой 'температура': *всегда-холодная пустыня звёзд*.

Новообразование *преступно-влюбленный* (*ангел*) входит во вторую подгруппу, так как причастие выступает в роли опорного элемента в производящем словосочетании *пре-*

ступно влюбленный. Учитывая тот факт, что деривационный шаг не имеет лакуны, следует признать новообразование одним из сложных причастий, широко распространённых в символистском неолексиконе (ср. у Ф. Сологуба: *безвинно-страдающий*, *безрадостно-нахмуренный*, *безумно-растоптанный*; у В. Брюсова: *безмерно-скрученный*, *длительно-сжигающий*; у В. Иванова: *бело-расплавленный*, *властно-движущий*, *медно-скачущий*; у М. Волошина: *бессолнечно-просветлённый*, *давно-отцветший*, *светло-цветущий*; у А. Белого: *бледно-тающий*, *воздушно-излученный*, *огнисто-блещущий*; у А. Блока: *серебристо-утомленный*, *блестяще-замкнутый*; у Ю. Балтрушайтиса: *мудро-примирённый*; у Д. Мережковского: *нежно-любящий*, *таинственно-мерцающий* и мн. др.).***

В числе аффиксальных новообразований К. Бальмонта, наиболее привлекательных для исследователя в силу своей «окказиональности», — два существительных, одно из которых — префиксальное образование (*пересветы*), а другие — суффиксальные (*млечность*, *скрученность*), и прилагательное, построенное суффиксальным способом (*вспевный*).

Контекст, включающий существительное *пересветы* (*Насыщенный Солнцем, седой можжевеловый, / Сквозной березняк, пересветы осин...*), подсказывает, что оно не может быть образовано суффиксацией на базе гипотетического окказионального глагола *пересветить*. Если предположить наличие этого лакунарного звена в словообразовательной цепи *светить* → *пересветить* → *пересветы*, то логически можно прийти к выводу, что приставка *пере-* должна иметь значение либо трансформации ('заново'), либо чрезмерного проявления действия ('очень'). В Словаре Даля отмечается похожее существительное со значением, близким к одному из обозначенных выше, вносимых этой приставкой; ср.: *пересвет*, м. «переговоры?» [1, III, стб. 203]. Значение новообразования *пересветы*, вносимое при-

ставкой, близко к такому: ‘чередование пятен света и тени; полосы света между деревьями’. О преимуществе этой трактовки слова свидетельствует и введение прилагательного *сквозной*, послужившего, в свою очередь, производящим словом для неологизма *сквозь*, в синонимичном значении встречающегося в неолексиконах М. Цветаевой [7] и Игоря Северянина**** [4].

Существительные *млечность* и *скрученность* отсылают исследователя к известному факту, свидетельствующему, по наблюдениям филологов, напр., Н. А. Кожевниковой [2] и Н. И. Харджиева [10], о частотности суффиксальных субстантивных образований на *-ость* в языке символистов. Особенность производства первого новообразования, характерная, впрочем, не только для словотворческих приёмов мэтров символизма, но и для заумных путей создания словоновшеств представителями иных литературных направлений, заключается в том, что в качестве производящей основы выступает относительное прилагательное, прошедшее через этап «окачества». В данном случае таким производящим словом послужило прилагательное *млечный*, прошедшее путь от прямого значения ‘молочный, т. е. относящийся к молоку, связанный с молоком’, до метафорического ‘цвета молока, белый’. Таким образом, неологизм *млечность* (*В небе — видения облачной млечности, / Тайное пение — в сердце и в Вечности...*) в окружении таких слов, как *луна, лунный (свет), небо, светлый, белый*, рождает образ ночного неба с бледной, окутанной дымкой луной, выглядывающей из-за полупрозрачных облаков.

Созданное путем суффиксации причастной основы, прошедшей, в свою очередь, через процесс адвербиализации, существительное *скрученность* функционирует как ключевое слово, занимающее одну из значимых позиций текста — в заглавии произведения. Вкупе с перифрастическими конструкциями *сплав руды, вещатель слова, час вождения святого*, богатством эпитетов

(*взрывный ключ, вспевная вода, бой бесилемный, упорный пламень*) и генитивными метафорами *жгут цветка, недра избылья* неологизм вступает в процесс порождения многопланового образа воды — огня — цветка, пластично вписывающегося в мотив творческого вдохновения, чистого искусства.

Что же касается прилагательного, единственного из всех неологизмов Бальмонта, обнаруженных в рукописных фондах РНБ, то следует признать его непохожесть на ранее проанализированные слова. Будучи образованным от глагола *вспеть (вспевать)*, отмечаемого в БАС как устаревшее слово и встречаемого в Словаре Даля как вариант глагола *воспеть (воспевать)*, прилагательное *вспевный* представляет собой суффиксальное новообразование, по морфонологическим свойствам не уступающее причастию *воспетый*. Однако введение сонорного [н], свойственного мелодичности поэтического языка бальмонтских произведений, рождает новый образ, опирающийся как на средства эвфонии, так и на словообразовательные повторы (ср. прилагательные с одним и тем же суффиксом *щедротный, вспевный, взрывный*, нанизанные в мелодично концентрированном пространстве стихотворения): *Из недр щедротных избылья / Прорвется вспевная вода. / Но прежде долгий путь подземный / Пройдет во мраке взрывный ключ, / Пред тем как с миром бой бесилемный / Зачнет, дробя граниты круч*. Звуковая семантика новообразования удачно коррелирует с семантикой художественного текста; неологизм принимает участие в построении образа-символа.

Как следует из анализа немногочисленного корпуса неологизмов, адъективные и глагольные (в их состав вошли только причастия) индивидуальные слова К. Бальмонта разнообразны по семантике, но ограничены моделями и способами деривации. Помимо этого, они имеют корреляты среди однокоренных и сходноструктурных слов, образующих символистский неолексикон,

частотны не только в ряду словообразовательных групп конкретного автора, но и в словотворчестве поэтов одного литературного направления, незаменимы в функции уточняющего и характеризующего эпитета, восходящего к метафорической конструкции, входят в блок ключевых слов текста, вследствие чего обладают огромным словотворческим потенциалом. В ряде случаев сложные слова выступают в роли рифмо- и ритмообразующих средств. Эти черты сложносоставных новообразований позволяют отнести их к периферии словотворческой системы.

Однако именно субстантивные образования, которые в силу их специфики выделены на крайне ограниченном языковом мате-

риале и потому рассмотрены в рамках настоящей статьи как единичные, свидетельствуют о том, что они и составляют ядро неолексикона. Уникальность их формы и строения, широта и глубина деривационных возможностей, многогранность семантики, участие в образовании словообраза и символики, вхождение в концептосферу, главенство позиций в тексте, тропическое многообразие, словообразовательные контекстуальные связи, способность к переходу в другие поэтические неолексиконы и многое другое отличают аффиксальные новообразования от сложносоставных неологизмов. Всего четыре неологизма К. Бальмонта ярко демонстрируют все отмеченные нами черты аффиксальных поэтических новообразований.

ПРИМЕЧАНИЯ

* О применяемом нами синхронно-диахроническом подходе в изучении неологизмов см.: *Никульцева В.В.* Индивидуально-авторское слово между двумя эпохами: диахронический и синхронный подходы к изучению его строения и деривации // *Язык и межкультурная коммуникация: Материалы VI Межвузовской научно-практической конференции, 23–24 апреля 2009 года.* СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, 2009. С. 228–232; *Никульцева В.В.* Неолексикон Серебряного века: диахронический и синхронный подходы к изучению его деривации и функционирования // *V Международная научная конференция «Язык, культура, общество».* Москва, 24–27 сентября 2009 г. Тезисы докладов. Т. 1. М., 2009. С. 284–285; *Никульцева В.В.* Проблемы сравнительного анализа поэтических неолексиконов Серебряного века // *Русский язык: исторические судьбы и современность: IV Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова, филологический факультет, 20–23 марта 2010 г.): Труды и материалы / Сост. М. Л. Ремнёва, А. А. Поликарпов.* М.: Изд-во Моск. ун-та, 2010. С. 194–195.

** Приведем их подробное описание (в угловых скобках содержится информация, добавленная нами в результате изучения рукописи; квадратные скобки проставлены архивистами): РНБ. Ф. 76. Ленинградское общество коллекционеров. Секция библиофилов и экслибрисистов. [Библиотека] Ед. хр. 149. Автографы К. Бальмонта, С. Есенина, В. Иванова, Р. Ивнева, В. Каменского, А. Луначарского, А. Мариенгофа, Б. Пастернака, И. Рукавишников, В. Шершеневича и рисунки П. Кончаловского, А. Моргунова, Н. Розенфельд, Светлова и Г. Якулова. [1919] 10 лл. <л. 2-об. К. Бальмонт. «Зеленый Змей», б.д.>; РНБ. Ф. 1448. Ед. хр. 73. Островская С.К. и Драницын С. Н. «Extraits choisis»: Сб. стихотворений, афоризмов, цитат и т. д. 1916–1924. Автограф. Тетрадь. На рус., англ., польск., франц. яз. <списки рукой составителя> 84 лл. <л. 61. К. Бальмонт. «Человечки», б.д.>; РНБ. Ф. 124. Собр. П. Л. Ваксея. Ед. хр. 287. К. Д. Бальмонт. Стихотворение «Кинжал». Авторизованная машинописная копия. Весна 1900 г. Севилья. 1 л.; РНБ. Ф. 124. Собр. П.Л. Ваксея. Ед. хр. 288. К.Д. Бальмонт. Стихотворение «Тайна сердец». Авторизованная копия. Б.д. 1 л.; РНБ. Ф. 734. Арх. Срезневского И. И. Ед. хр. 26. К. Д. Бальмонт. Из «Песен о родине». Стихотворения (2). Список. 1 л. Б.д.; РНБ. Ф. 736. Арх. К.М. Станюковича. Ед. хр. 335. К. Д. Бальмонт. Стихотворения. Автографы и записи рукою З. К. и М. К. Станюкович и неустановленного лица, частью под диктовку автора. Чернилами и карандашом. На об. стих. «Как волны морские» — список стих. А. Н. Майкова «Здесь место есть» рукою З.К. Станюкович. 17 лл. 1896–1897 гг. и б.д. <л. 1. «Немая тень среди чужих теней...», 5 марта 1896; л. 2. «Как волны морские...», 18 мая 1896; л. 3. «Есть женщины тихие, светлые, нежные...», 15 сентября 1896 (рука К.Б.); л. 4. «Зинаиде Константиновне Станюкович» («Кто заглянет лоно вод...»), 12 декабря 1897 (рука К.Б.); л. 5–8 (без оборотов). «На вершине»

(«Я в горы ушел до рассвета...»), б.д.; л. 9. «Сон девушки. З. К. Станюкович» («Я лежала на склоне горы...»), б.д.; л. 10. «Я мечтою ловил уходящие тени», б.д.; л. 11. «Как волны морские...», б.д. (запись под диктовку К.Б.); л. 11-об. «Здесь место есть. Самоубийц...», б.д. (стихотворение А. Н. Майкова); л. 12. «Как волны морские...», б.д. (вариант списка); л. 13–13-об. «Я лежала на склоне горы...» (запись под диктовку К.Б.), 1 мая 1897; л. 14. «Меня смутил тревожный сон...», 1 мая 1897; л. 15–16 (без оборотов). «Любовь есть свет, что сходит к нам оттуда...», б.д.; л. 16-об. «Разбрызганным жемчугом падают...», б.д.; л. 17. «Падучая звезда» («Золотая звезда над землю в пространство летела...»), б.д.; РНБ. Ф. 1312. Архив Г. А. Тотса. Ед. хр. 69. Бальмонт К. Д. Письма (2) Георгию Адольфовичу Тотсу. Приложение к письму № 2 — стихотворение «В лесу», б.д. [л. 4]. Авторизованная машинопись. Конверт. 15 июля и 29 сентября 1911 г. [Франция]. 5 лл.; РНБ. Ф. 1000. Собрание отдельных поступлений. Оп. 2. Ед. хр. 87. Бальмонт К.Д. «Скрученность». Стихотворение. Печатное, подпись-автограф. Б.д. 1 л.; РНБ. Ф. 408. Архив газеты «Курьер». Ед. хр. 2. Бальмонт К. Д. Стихотворения его (9): «Возвращение» <л. 1>, «К Венере» <л. 3>, «Лунным лучом и любовью слиянные...» <л. 4>, «Каторжник» <л. 5>, «Мне радостно видеть, что в сердце моем...» <л. 6>, «О, надолго, надолго, быть может навек...» <л. 7>, «Памяти А. И. Урусова» <л. 8, продолжение — л. 2; листы переставлены>, «Прозвенит ли вдали колокольчик...» <л. 9>, «Я люблю, в немом покое» <л. 10>. Авторизованные машинописные копии. 10 лл.; РНБ. Ф. 736. Арх. К. М. Станюковича. Ед. хр. 95. Бальмонт К. Д. Письмо к Л. Н. Станюкович (рожд. Арцеуловой) со стихотворением «Пройдут века веков, толпы тысячелетий...». <л. 2> 23 ноября — 4 декабря. Б.г. [кон. 1890-х гг.] Париж. 2 лл.; РНБ. Ф. 736. Арх. К.М. Станюковича. Ед. хр. 314. Мария Константиновна Станюкович. Альбом её с автографами-записями К. Бальмонта, Н. Гердта, К. Горбунова, М. Гнесина, Г. Маслова, И. Ореуса (Коневского), Л. Жуковской, И. (?) Пассека, М.К. Нарбута и др. Стихотворения, нотные и др. записи. Русск. и фр. яз. 1895–1925. 20 лл. <л. 1. Бальмонт К. Д. «Волна бежит, волна с волною слита...», 15 сентября 1896 г.>

*** Приводятся данные составленной нами картотеки поэтических неологизмов Серебряного века.

**** О дефисном написании псевдонима И. В. Лотарева см.: *Никульцева В.В.* История одного литературного псевдонима // *Русская речь.* 2009. № 3. С. 96–98.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка / Под ред. проф. И. А. Бодуэна де Куртенэ: В 4 т. М.: Цитадель, 1998. Т. 1. 944 с.; Т. 2. 1024 с.; Т. 3. 896 с.; Т. 4. 832 с.
2. *Кожевникова Н. А.* Словоупотребление в русской поэзии начала XX века. М., 1986. 251 с.
3. *Никульцева В. В.* Неолоксикон А. Блока в сопоставлении с другими поэтами его эпохи // Шахматовский вестник. Вып. 12. Биография как источник и контекст творчества А. Блока: Материалы Международной научной конференции, посвящённой 130-летию со дня рождения поэта (10–12 октября 2010) / Отв. ред. И.С. Приходько; ИМЛИ РАН; Науч. совет РАН «История мировой культуры»; Историко-литературный и природный музей-заповедник А.А. Блока. М.: ИМЛИ РАН, 2011. С. 324–338.
4. *Никульцева В.В.* Словарь неологизмов Игоря Северянина / ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН / Под ред. проф. В. В. Лопатина. М.: ООО «Азбуковник», 2008. 380 с.
5. *Приходько И.* Символистский словарь А. Блока // Художественный текст как динамическая система: Материалы Международной научной конференции, посвященной 80-летию В. П. Григорьева / ИРЯ РАН, 19–22 мая 2005 года. М., 2006. С. 328–337.
6. Сводный словарь современной русской лексики: В 2 т. / АН СССР. Ин-т рус. яз. / Под ред. Р. П. Рогожниковой. М., 1991. Т. 1. 800 с.; Т. 2. 739 с.
7. Словарь поэтического языка Марины Цветаевой: В 4 т. (6 кн.) / Сост. И. Ю. Белякова, И. П. Оловянникова, О. Г. Ревзина / Под ред. О. Г. Ревзиной. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 1996–2004.
8. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л., 1948–1965.
9. *Улханов И. С.* Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация / РАН. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. М., 1996. 221 с.
10. *Харджиев Н.И.* Статьи об авангарде: В 2 т. Т. 2. М.: РА, 1997. Т. 2. 314 с.
11. *Шанский Н. М.* Очерки по русскому словообразованию. Изд. 2-е, доп. М.: URSS, 2005. 332 с.
12. Энциклопедический словарь / Под ред. проф. И. Е. Андреевского. Издатели Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон: В 41 т. и доп. СПб., 1890–1907.

REFERENCES

1. *Dal' V. I.* Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo jazyka / Pod red. prof. I. A. Bodujena de Kurtenje: V 4 t. M.: Tsitadel', 1998. T. 1. 944 s.; T. 2. 1024 s.; T. 3. 896 s.; T. 4. 832 s.
2. *Kozhevnikova N. A.* Slovoупotreblenie v russkoj poezii nachala XX veka. M., 1986. 251 s.
3. *Nikul'tseva V. V.* Neoleksikon A. Bloka v сопоставlenii s drugimi poetami jeho epohi // Shahmatovskij vestnik. Vyp. 12. Biografija kak istochnik i kontekst tvorchestva A. Bloka: Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii, posvjashchjonnj 130-letiju so dnja rozhdenija poeta (10–12 oktjabrja 2010) / Otv. red. I. S. Prihod'ko; IMLI RAN; Nauch. совет RAN «Istorija mirovoj kul'tury»; Istoriko-literaturnyj i prirodnyj muzej-zapovednik A.A. Bloka. M.: IMLI RAN, 2011. S. 324–338.
4. *Nikul'tseva V. V.* Slovar' neologizmov Igorja Severjanina / IRJA im. V. V. Vinogradova RAN / Pod red. prof. V. V. Lopatina. M.: ООО «Azbukovnik», 2008. 380 s.
5. *Prihod'ko I.* Simvolistskij slovar' A. Bloka // Hudozhestvennyj tekst kak dinamicheskaja sistema: Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii, posvjashchennj 80-letiju V. P. Grigor'eva / IRJA RAN, 19–22 maja 2005 goda. M., 2006. S. 328–337.
6. Svodnyj slovar' sovremennoj russkoj leksiki: V 2 t. / AN SSSR. In-t rus. jaz. / Pod red. R. P. Rogozhnikovoj. M., 1991. T. 1. 800 s.; T. 2. 739 s.
7. Slovar' pojeticheskogo jazyka Mariny Tsvetaevoj: V 4 t. (6 kn.) / Sost. I. Ju. Beljakova, I. P. Olovjannikova, O. G. Revzina / Pod red. O. G. Revzinoj. M.: Dom-muzej Mariny Tsvetaevoj, 1996–2004.
8. Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka: V 17 t. M.; L., 1948–1965.
9. *Uluhanov I. S.* Edinitsy slovoobrazovatel'noj sistemy russkogo jazyka i ih leksicheskaja realizatsija / RAN. In-t rus. jaz. im. V. V. Vinogradova. M., 1996. 221 s.
10. *Hardzhiev N. I.* Stat'i ob avangarde: V 2 t. T. 2. M.: RA, 1997. T. 2. 314 s.
11. *Shanskij N. M.* Oчерki po russkomu slovoobrazovaniju. Izd. 2-e, dop. M.: URSS, 2005. 332 s.
12. Entsiklopedicheskij slovar' / Pod red. prof. I. E. Andreevskogo. Izdateli F. A. Brokgauz, I. A. Efron: V 41 t. i dop. SPb., 1890–1907.

A. П. Склизкова

«ПРАЗДНИК ПРИМИРЕНИЯ» Г. ГАУПТМАНА. К ПРОБЛЕМЕ ФИЛОСОФИИ ЖИЗНИ

Одним из ведущих принципов философии жизни на рубеже XIX–XX века является идея становления, связанная с развитием мира и человека. Она господствует в драме Гауптмана «Праздник примирения». Члены семьи Штольцев обладают рессентиментным характером, вносят и в свою судьбу, и в судьбу мира раскол и распад. Младший сын Штольцев Вильгельм и его возлюбленная Ида заключают монистический союз любви и смерти, способствуют восстановлению нарушенной мировой гармонии.

Ключевые слова: философия жизни, эридика, рессентимент, монизм, полярность, воля, свобода.

A. Sklizkova

Hauptman's Drama «The Holiday of Reconciliation». The Problem of Philosophy of Life

One of the leading principles of the Philosophy of Life at the edge of the XIX–XX centuries was the idea of the formation connected with the global development of the world and the human being. It is widely reflected in Hauptman's drama «The Holiday of Reconciliation». The members of the Stolts' family possess resentimental character, the result of which is disunity, decay, decline and fall in their fates and in their world. The younger son Wilgelm together with his